

Лян Сычжэ и Ван Хаймин уже дошли до школьных ворот и остановились, ожидая остальных.

Троица ускорила шаг. Когда до них оставалось всего несколько метров, Му Кэ потянула Мэн Янсинь за руку, и та замедлила шаг. Цао Е понял, что девушки хотят поговорить без него, и пошёл вперёд.

— Думаю, нам не стоит об этом рассказывать, — тихо сказала Му Кэ, когда Цао Е отошёл. — Учительница Мо говорила в классе, что спрашивала у Лян Сычжэ, нужна ли ему помощь, а он ответил, что не хочет, чтобы то, что с ним случилось, стало предметом обсуждения.

— Я думала, раз они с Цао Е друзья... Иначе зачем бы Лян Сычжэ привёл его на нашу встречу?
— тихо возразила Мэн Янсинь. — Значит, он и сам знает.

— Мне кажется, это Лян Сычжэ должен решать, говорить ему или нет. Лучше нам не вмешиваться...

— Ладно, как скажешь. Не будем, — согласилась Мэн Янсинь, а потом, с улыбкой глянув на Му Кэ, поддразнила её. — Ты же так в него влюблена, так признайся ему! Такой шанс упускаешь.

— Перестань. — Му Кэ тут же покраснела и шлёпнула Мэн Янсинь по руке. — Он скоро станет звездой, а я кто?

— Ты всё-таки вторая скрипка. И, может быть, ему сейчас как раз нужна поддержка. — Мэн Янсинь посмотрела на Лян Сычжэ.

Му Кэ покачала головой:

— Когда он лежал в больнице, мы с друзьями хотели навестить его. Мы уже дошли до палаты, но он попросил медсестру передать нам, чтобы мы ушли. Потом Ван Хаймин ходил

один, но тоже не смог с ним увидеться. А ведь раньше они были лучшими друзьями...

Цао Е догнал парней. Лян Сычжэ, увидев его, спросил:

— Почему вы идёте так медленно?

Встреча старых друзей должна была быть радостным событием, но Лян Сычжэ выглядел мрачным, снова став тем резким и холодным человеком, каким Цао Е увидел его при первой встрече.

— Разговаривали. — Цао Е улыбнулся ему и встал рядом. На самом деле он заметил, что Ван

Хаймин хотел поговорить с Лян Сычжэ наедине, поэтому специально задержался. Но, похоже, Лян Сычжэ этого не оценил.

Когда Цао Е подошёл, Лян Сычжэ облегчённо вздохнул. Он понимал, что Ван Хаймин спрашивал его из лучших побуждений, но он всё равно не мог избавиться от чувства неловкости. В присутствии Цао Е Ван Хаймин вряд ли станет снова заводить разговор об аварии.

Кроме того, пока Цао Е шёл сзади с Му Кэ и Мэн Янсинь, Лян Сычжэ немного беспокоился, что они расскажут ему о том, что случилось с его семьёй. На Му Кэ можно было положиться — учитель Мо, скорее всего, предупредила класс не обсуждать эту тему. Но вот насчёт Мэн Янсинь, которая училась в другом классе, он не был уверен. Они не были близкими друзьями, просто раньше играли в одном оркестре.

Лян Сычжэ не хотел, чтобы Цао Е знал все подробности его жизни. Дело было не в доверии, просто он очень не любил, когда на него смотрели с сочувствием, и ещё больше ненавидел слова, связанные с чувствами: «бедный», «жалко», «какая трагедия».

После случившегося он стал очень чувствителен к сочувствию. Никакая другая эмоция не могла так быстро вывести его из себя и сломить. У него практически развилась аллергия на это чувство, и он начал подозревать, что слова и помощь всех, кто знал о его беде, были продиктованы жалостью.

Он даже начал делить людей на основе этой эмоции: Чжэн Инь предлагал ему помощь в случае провала на прослушивании из сочувствия, а Цао Сююань говорил о честной конкуренции без всякой жалости. Слова Ван Хаймина «если что, обращайся» воспринимались как сочувствие, а Цао Е дал ему почитать сценарий, потому что «хотел его порадовать».

Лян Сычжэ с трудом представлял, что смог бы порадоваться, если бы Цао Е действовал из жалости. Возможно, Цао Е тоже испытывал к нему немного жалости, просто он так хорошо это скрывал, что Лян Сычжэ, общаясь с ним, совсем не замечал подобных мелочей...

Лян Сычжэ думал, что ему не нужно чьё-то присутствие рядом, ему не нужен человек, который помог бы ему преодолеть трудности. Трудности нужно преодолевать самому, и даже если рядом никого нет, он всё равно справится. Ему нужен был человек, который поможет ему забыть прошлое, кто-то, кто сможет его развеселить. И Цао Е был именно таким человеком. А может, и не просто развеселить — все эти дни он действительно был счастлив, особенно после сегодняшнего утра.

Вспомнив утро, он невольно улыбнулся и посмотрел на Цао Е. Настроение Лян Сычжэ, казалось, мгновенно улучшилось, на его лице появилась мягкая улыбка, и даже в глазах заплясали смешинки.

Цао Е удивлённо спросил:

— Что такое?

Лян Сычжэ, улыбаясь, покачал головой:

— Ничего, просто вспомнил сегодняшнее утро.

— Стоп-стоп, — тут же взорвался Цао Е. — Среди бела дня!

Ван Хаймин тоже удивился внезапной перемене в настроении Лян Сычжэ и с любопытством спросил:

— Что случилось утром?

Лян Сычжэ сдержал смех:

— Ничего. — Видя, что девушки подошли, он сказал: — Давайте пройдемся по вашей школе.

Центральная консерватория была небольшой, но очень своеобразной, повсюду чувствовалось присутствие музыки. Ван Хаймин добросовестно выполнял роль экскурсовода, показывая им репетиционные залы, концертные площадки и учебные аудитории.

— Это сад Стейнвея. — Ван Хаймин показал вперёд. — Видите, на что похож дизайн?

— На скрипичный ключ, — сказал Цао Е.

— Точно. — Ван Хаймин с улыбкой кивнул. — На скрипичный ключ в нотной записи. Ты тоже музыкант?

Цао Е улыбнулся ему, но ничего не ответил.

— Он тоже играет на скрипке, — сказал за него Лян Сычжэ.

— Кстати, о скрипке. В прошлом году здесь читала лекцию Ли Ю. — Ван Хаймин показал на одно из зданий. — Вот в этом корпусе.

— Приезжала Ли Ю? — Лян Сычжэ посмотрел в указанном направлении. — Впечатляет.

— Да, жаль, что в этот раз мы её не застали. Говорят, она ещё и сольную партию сыграла.

— А Ли Ю красивая? — спросил Цао Е.

— Конечно, красивая, — улыбаясь, ответил Ван Хаймин. — Те, кто был на лекции в прошлом году, говорили, что Ли Ю не только красивая, но и очень элегантная.

— Вот как, — сказал Цао Е.

Когда они закончили осмотр школы, уже близился вечер. Друзья зашли в ближайший ресторан. Сначала разговор крутился вокруг Лян Сычжэ — всё-таки быть лично выбранным великим режиссёром Цао Сююанем — это довольно необычная история.

— Он стоял прямо на пороге твоего дома? Как он тебя нашёл? — с интересом спросила Мэн Янсинь.

— Его привела учитель по вокалу, — спокойно ответил Лян Сычжэ.

— И что он сказал, когда тебя увидел?

— Спросил, не хочу ли я поехать с ними в Пекин на пробы. Вот я и поехал.

— Вот так просто?

— Ага, ничего особенного. — Лян Сычжэ перевёл тему разговора. — Расскажите лучше о себе. Какие у вас сейчас предметы?

Друзья начали обсуждать учёбу. Лян Сычжэ, опустив глаза, не спеша ел, изредка поднимая голову, когда слышал что-то интересное.

Цао Е не интересовался их студенческой жизнью. Он ел и время от времени поглядывал на Лян Сычжэ. Хотя за это время они уже довольно хорошо узнали друг друга, слова Мэн Янсинь заставили его искать в Лян Сычжэ признаки той самой экспрессивности и энергии. Но найти их не удавалось. Лян Сычжэ выглядел необычайно спокойным, все его движения были плавными и неторопливыми. В отличие от трёх оживлённых друзей, он был молчалив и даже немного отстранён.

Когда Лян Сычжэ встал, чтобы сходить в туалет, и заодно оплатить счёт, разговор снова вернулся к нему.

Мэн Янсинь допила свой апельсиновый сок, отодвинула стакан и, наклонившись, тихо спросила:

— Как думаете, через год Лян Сычжэ станет суперзвездой?

— Не знаю насчёт суперзвезды, но думаю, что станет известным, — ответила Му Кэ.

— А как думаешь, получит награду за лучший дебют? Предыдущий главный герой Цао Сююаня получил.

— Этого я не знаю.

— Я думаю, получит, — присоединился к разговору Цао Е, слегка улыбаясь. — Может, даже получит как лучший актёр.

— Ха-ха, — рассмеялась Мэн Янсинь. — Лучший актёр — это слишком сложно.

— Это же Цао Сююань! — В стакане со льдом у Цао Е кончилась кола, соломинка издала звук «у-у-у» и он, вытащив трубочку, продолжил. — Уже два актёра и две актрисы, сыгравшие в фильмах Цао Сююаня, получили награды за лучшую роль.

— Я знаю, Цао Сююань очень крутой, — сказала Мэн Янсинь. — Но у Сюй Миньюэ и Ци Шэна, получивших награды за лучшие роли, уже был большой актёрский опыт: одному за тридцать, другому за сорок. А Лян Сычжэ вообще никогда в кино не снимался.

— Да уж, — вздохнул, до этого молчавший, Ван Хаймин. — Сычжэ только что сказал мне, что будет несколько раундов кастингов и проб, и пока неизвестно, выберут ли его на главную роль. Эти именитые режиссеры изводят людей. Может так случиться, что он потратит год-полтора, а в итоге останется ни с чем. Что он тогда будет делать?..

На столе зазвонил телефон. Цао Е посмотрел — звонил Чжэн Инь. Он взял телефон и вышел, чтобы ответить:

— Дядя Инь, ты чем занимаешься?

— Мы с твоим отцом за границей, выбираем места для съёмок. Только что связи не было, — со смехом ответил Чжэн Инь. — Что, наконец-то решил взяться за роль?

— Ты за границей... А когда вернёшься?

— Не знаю, не раньше, чем через неделю. Вот сейчас ты спохватился, а когда я был в стране, я не видел у тебя такого энтузиазма.

— Я вдруг резко загорелся, — преувеличил Цао Е. — Сейчас места себе не нахожу, прямо как...

как муравей на раскалённой сковороде!

— Муравей на сковороде? Где ты таких выражений нахватался? — рассмеялся Чжэн Инь. — Ладно, я попрошу Чжан Минханя с тобой поговорить. Он тоже начинал с нуля, у него есть опыт, который может тебе пригодиться.

— Мне ему позвонить?

— Я сам с ним поговорю, — терпеливо ответил Чжэн Инь. — Если ты, ребёнок, ему позвонишь, он может к этому отнестись несерьёзно. Я с ним договорюсь. Жди, когда он тебе перезвонит. А после вашего разговора я найду ассистента режиссёра, который отведёт тебя на съёмочную площадку и всё подробно расскажет.

— Только не того, с пекинским акцентом. — Цао Е всё ещё помнил разговор у двери, когда тот человек плохо отзывался о Лян Сычжэ.

— Кого? — переспросил Чжэн Инь. — А, ты про У Фэна. Он оператор, не буду его просить... Вообще, он хороший парень, просто иногда слишком прямолинейный. В будущем все эти люди будут твоими старшими коллегами, ты не должен быть так предвзят.

— Я просто не хочу с ним разговаривать.

— Хорошо-хорошо, не будешь, — улыбнулся Чжэн Инь. — Детский сад, ей-богу.

Чжэн Инь всегда был осмотрительным и основательным. Видя, что Цао Е наконец-то заинтересовался ролью сяо Маня, он быстро всё организовал.

Цао Е спокойно положил трубку. В этом мире он больше всего доверял своей маме, Ли Ю, а на втором месте был дядя Инь. За всю его жизнь дядя Инь ни разу не нарушил данного обещания. И, как и следовало ожидать, после того, как они попрощались с одноклассниками, ему позвонил Чжан Минхань.

Уже темнело, было около девяти вечера. По тротуарам около Консерватории туда-сюда сновали люди. Цао Е ответил на звонок.

— Сяо Е, ты уже поел? — спросил Чжан Минхань.

— Да, Минхань-гэ, — ответил Цао Е.

Лян Сычжэ посмотрел на него. Услышав его интонацию и обращение, он понял, что Цао Е снова начал подлизываться. Минхань-гэ... Тот самый Чжан Минхань, которого он видел на пробах? Почему Чжан Минхань позвонил Цао Е поздно вечером?

К ним приблизилась группа студентов, некоторые, похоже, были пьяны. Цао Е, опустив голову, говорил по телефону и чуть не столкнулся с ними. Лян Сычжэ поднял руку, обнял его за плечи и слегка притянул к себе.

Группа прошла мимо. Лян Сычжэ не убрал руку, продолжая держать Цао Е за плечи. Раньше он не привык так делать, но сейчас ему было комфортно. Было бы лучше, если бы Цао Е был немного ниже ростом, но и так было неплохо. В отличие от «колючего» Лян Сычжэ, Цао Е покорно позволял себя обнимать и даже улыбался ему в перерывах между фразами.

Кости юноши были тонкими, он, вероятно, слишком быстро вырос, его тело ещё не окрепло, и даже рука Лян Сычжэ, лежащая на плече, вызывала дискомфорт.

Встречи со старыми друзьями всегда заставляли Лян Сычжэ напрягаться. А сейчас, идя рядом с Цао Е, он чувствовал себя невероятно свободно. Он знал, что никто не желает ему зла, и даже случайные упоминания прошлого были продиктованы добротой и заботой, но всё равно не мог расслабиться и общаться с ними естественно.

Но с Цао Е было иначе. Ему не нужно было напрягаться и опасаться, что разговор вернётся к прошлому — как к ярким, так и к трагическим моментам. Он мог полностью расслабиться, не поддерживая образ человека с блестящим прошлым — это было слишком утомительно. Он не мог позволить себе выгядеть беспомощным и показать свою слабость перед другими.

На дороге был бесконечно плотный поток машин. Пройдя немного, Лян Сычжэ, махнув рукой, поймал такси. Машина быстро остановилась рядом. Он убрал руку с плеча Цао Е, собираясь открыть дверь, но Цао Е схватил его за руку, отняв телефон от уха, и сказал водителю:

— Дядя, подождите немного.

— Сегодня вечером? — Цао Е отпустил запястье Лян Сычжэ и продолжил разговор по телефону. Услышав что-то, он кивнул. — Тогда я заеду к тебе.

— Едем? — водитель выглянул из машины.

Цао Е повесил трубку, сказал «сейчас» и, повернувшись к Лян Сычжэ, добавил:

— Садись, я сегодня не вернусь домой.

Лян Сычжэ удивлённо посмотрел на него:

— Куда ты так внезапно собрался?

— Мой друг уговорил меня... поехать к нему... — Цао Е потёр лоб рукой.

— О, хорошо... Тогда поезжай на этой машине. — Лян Сычжэ открыл для него дверь.

— Садись ты, я остановлю другую. — Цао Е вытянул шею, пытаясь найти свободное такси.

Лян Сычжэ с улыбкой посмотрел на него:

— А деньги у тебя есть?

— А. — Цао Е повернулся и моргнул. — На самом деле, нет.

— Я так и знал. — Лян Сычжэ положил руку ему на плечо, слегка двигая его в сторону машины, достал из кармана триста юаней и протянул ему. — У меня с собой не так много, хватит?

— Хватит. — Цао Е взял деньги. — А у тебя еще остались?

— Остались, поезжай скорее. — Лян Сычжэ закрыл дверь.

— Пока. — Цао Е опустил стекло и высунул голову, чтобы посмотреть на него.

Ночной ветер слегка растрепал его волосы. Лян Сычжэ посмотрел на него. Склонившийся к окну парень был похож на маленького щенка, его глаза ярко блестели в ночной темноте, а пушистая голова вызывала желание протянуть руку и погладить её.

Водитель, видимо, потерял терпение и, не дожидаясь, когда Лян Сычжэ протянет руку, резко тронулся с места и умчался прочь.

Лян Сычжэ посмотрел, как такси скрывается в потоке машин, и направился к метро. Триста юаней, которые он дал Цао Е, были его последними крупными купюрами. У него осталась только мелочь, полученная в ресторане в качестве сдачи.

Идя к метро, он подумал, что в него, похоже, действительно вселилась душа Чжэн Иня. Когда он давал Цао Е триста юаней, он почувствовал себя отцом... Но содержать Цао Е слишком дорого, с тревогой подумал Лян Сычжэ. Если и дальше так пойдёт, ему, пожалуй, придется задуматься о продаже квартиры.

Автору есть, что сказать: Завтра выложу дополнительную главу, пусть молодой господин Цао побыстрее вернётся... Буря ещё не набрала силу, так что прошу не беспокоиться! Название произведения само подскажет, почему сейчас затишье~

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130256>